

Авторский коллектив кафедры политологии и международных отношений Нижегородского лингвистического университета:
Андрей Макарычев (руководитель авторского коллектива), доктор исторических наук, профессор кафедры,
Наталья Гронская, доктор политических наук, заведующая кафедрой,
Александр Гусев, кандидат политических наук, старший преподаватель,
Дмитрий Коршунов, кандидат политических наук, старший преподаватель,
Артур Солнцев, аспирант кафедры,
Яна Ваплер, студентка отделения международных отношений НГЛУ

Диплом конкурса в номинации «Великая Держава»

ИДЕЯ ИМПЕРИИ И «МЯГКАЯ СИЛА»: МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Введение

Термин «империя» постепенно возвращается в международно-политический лексикон и реабилитируется в нём. Если лет 10-15 назад он нёс в себе преимущественно негативные коннотации, и пользовались им в основном неомарксисты и сторонники классической геополитики, то теперь империя стала фигурой речи и среди вполне либерально мыслящих авторов.

Когда сегодня о какой-либо стране говорят как о «новой империи», то это всё чаще звучит не как обвинение, а как поздравление. Из политики слово это перекочевало в литературу, кинематографию и рекламу. Об имперскости говорят буквально повсюду - в Америке, Европе, России. Вероятно, это является следствием того, что в современных международных исследованиях существует явный уклон в сторону изучения природы «глобального беспорядка», в то время как параллельно с этим происходят обратные процессы структурирования, упорядочивания международных отношений. Империи – это и есть «производители порядка». И первая, и вторая мировые войны, равно как и «холодная война», представляли собой арену противостояния различных имперских моделей. Да и мировая политика начала 21 века проходит под знаком поиска замены неудавшейся попытки США стать единственной империей глобального масштаба.

«Страсти по империи» – это одно из выражений «ностальгии по власти» в условиях анархии. В новейшей литературе имперская модель поведения определяется по-разному. Например, Натали Точи утверждает, что империя руководствуется неким нормативным (ценностным) идеалом, но ради его достижения не опирается на международные институты¹. Иными словами, империи – это такие политические субъекты, поведение которых

¹ Who is a Normative Foreign Policy Actor? The EU and Its Global Partners. Edited by Nathalie Tocci. Brussels: Center for European Policy Studies, 2008.

можно понять в рамках логики безопасности, которая предполагает не только возможность, но и неизбежность исключительных, чрезвычайных (по Карлу Шмитту) мер в обход существующих «правил игры». Противоположностью империи в таком случае становится «институциональная власть», определяемая как способность влиять на поведение других акторов посредством институциональных ресурсов².

Этот подход, таким образом, формулирует главную дилемму: «*выживание по правилам*» (институциональная модель безопасности) или «*выживание на основе исключений*» (имперская модель). Анализ последних событий подсказывает, что Евросоюз скорее склоняется к первому варианту, в то время как США – ко второму. Перефразируя Роба Уокера, «выживание по правилам» - это формула «международного» (the international), а «выживание на основе исключений» - это формула «имперского» (the imperial). «Имперское» и «международное» в этом смысле взаимно исключают друг друга. Примерно об этом писали Антонио Негри и Майкл Хардт: их «всеобщая Империя» «устраняет международное», поскольку стирает различия, выражаемые государствами. «Международное» в данном контексте означает не только общий принцип формирования (со)общества наций, но и технологию «нормализации» (практически по М.Фуко) государств, отказывающихся следовать доминирующим нормам.

Россия: имперская идентичность?

А как смотрится на этом фоне Россия? Позиционируя себя с точки зрения молодой демократии, Россия, однако, достаточно прозрачно намекает на становление себя как возрождающейся державы, что влечет за собой яростные международные споры – демократия или империя, обещание или угроза?

Данный вопрос становится все более обсуждаемым в рамках последних событий международного уровня, таких как грузино-южноосетинская война, признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, российско-украинский газовый конфликт, стремление Грузии и Украины в НАТО. Имперский мотив в политике России присутствует реально, и поэтому важно понять, что империя и демократия – это не взаимоисключающие явления.

Интересно то, что общепринятой дефиниции не существует. Все зависит от того, через что ее определять. Если через внешние характеристики, то это большое, мощное во внешнеполитическом смысле и разнородное политическое образование. Если через внутреннюю структуру, то в империи существует центр или центры, которые связаны с окраинами отношениями неравноправия, но при этом, как правило, это не отношения диктата, это не прямое правление. Основная масса империй не имела мощного современного бюрократического аппарата, несмотря на то, что, например, у нас сложился образ России XIX века как страны,

² Elana Wilson Rowe and Stina Torjesen. Key Features of Russian Multilateralism, in: The Multilateral Dimension in Russian Foreign Policy. Edited by Elana W. Rowe and Stina Torjesen. Routledge: Taylor and Francis Group, 2009. P.11.

оккупированной армией чиновников. Для того чтобы управлять окраинами, центр должен был договариваться с местными элитами, которые имели определенный объем автономии, но при этом центр контролировал важные для себя политические моменты и обеспечивал местной элите ее статусное положение.

Возникает вопрос: если мы говорим о принципе имперского правления, то всегда ли отношения зависимости возникают при формальном включении в империю? Польша после Второй мировой войны не была частью СССР, но она была частью советской империи. Греческие города-полисы не составляли греческую империю, но у них был имперский центр - Афины. Когда мы говорим о современной американской империи, мы имеем в виду не тот факт, что США состоят из многих штатов, а то, что они проецируют отношения имперского контроля далеко за пределы своих границ. И главные примеры здесь не столько Ирак, Афганистан, Сербия, но масса других стран, ведущих себя более или менее лояльно в отношении Вашингтона, без отправки туда американских солдат и бомб. Прямое использование военной силы - это скорее показатель того, что прежние способы установления контроля перестают быть эффективными, или что сегодняшним американским элитам не хватает ресурсов, терпения и умения осуществлять имперский контроль без посылки в ту или иную точку мира морских пехотинцев.

Современная Россия живет на руинах двух империй: империи Романовых и советской империи. Это наследие можно использовать как ресурс развития, взяв за основу основные признаки империи Эмиля Паина, а именно - *централизацию и иерархизацию самодержавного аппарата, а также централизацию пространственного тела империи с четким разделением центра и иноэтнической периферии.*

Хотелось бы также обратить внимание, что одним из возможных определений сути «империи» и её отличия от «не империи», является следующее: империя способна к искусственному и порой грубому воздействию на жизнь «своего» общества. Такое воздействие может в сжатые сроки принести империи те «плоды», которые «не империи» придется выращивать естественным путем значительно большее время. Именно существенная централизация власти в империи дает возможность при желании проводить радикальные насильственные преобразования по типу реформ Петра или Сталина (которые в западных обществах не встречались).

В этом может заключаться корень неприятия западными обществами любой сильной централизованной «имперской» власти по всему миру. Запад, по сути, просто стремится отнять у других обществ механизм «ускорения» и «мобилизации», благодаря которому они могут составить ему конкуренцию (как это было в случае СССР и США). Поэтому Запад стремится свести централизацию власти в других обществах до уровня, равного своему, называя это распространением стандартов демократии. И любое усиление централизации власти рассматривается Западом как «имперские амбиции». Примером тому может служить ухудшение отношения Запада к России, после усиления централизации при Владимире Путине. Именно тогда Запад и

восточная Европа заговорили о возвращении России к империи на основе одного только критерия - усиления централизации власти в России (сворачивание свободы слова и гражданских свобод также является централизацией власти). Таким образом, можно сделать вывод, что именно критерий степени централизации власти (а не территориальные претензии государства и заявка на престиж) является для Запада ключевым при объявлении какого-либо другого общества «империей». «Империя» в данном случае считается чем-то «плохим» в противовес «демократии», так как «демократия на экспорт» преподносится другим странам в первую очередь как децентрализация власти.

Существование не западной империи грозит западным странам необходимостью самим становиться «мягкой» империей и всё сильнее вмешиваться в жизнь своего общества. Примером тому могут служить США, которые сами не соответствуют тем критериям «демократии», которую преподносят другим. Политическая система США далека от либерализма, начиная от ограничения двумя партиями и заканчивая не самыми свободными СМИ. По крайней мере, в США невозможна такая «демократия», как в России 90-х годов или нынешней Украине, когда полная свобода всего и вся оборачивается хаосом.

На данном историческом этапе модель «мягкой империи», которой являются США, видится разумным балансом централизации и децентрализации власти для крупного государства. Мягкая империя более гибка и созидательна, чем более децентрализованные общества, однако в то же время застрахована от серьезных ошибок, возможных в сверхцентрализованных обществах. На наш взгляд, именно это обеспечило Соединенным Штатам столь высокое положение в мире, когда сверхцентрализованные общества подорвали себя своими же ошибками, а децентрализованные общества не могут выступить единым фронтом против давления США. Например, СССР прекратил существование из-за негативных последствий сверхцентрализации, когда грубое вмешательство руководства в жизнь общества создало ряд неразрешимых противоречий. Китай подорвал себя в первые десятилетия коммунизма, «стреляя по воробьям» и отправляя профессоров собирать рис во время «культурной революции» (таким образом, Китай при всей его сегодняшней экономической мощи не имеет и трети того, что мог бы иметь с таким людским и природным потенциалом). А европейские страны, принявшие американскую «демократию на экспорт», не могут выступить единым политическим фронтом сами по себе, а только при помощи США и в рамках Запада. В этом и заключается причина, по которой США способствуют объединению Европы, так как в рамках существующих там демократий, свободы слова и свободы культур и языков (то есть в рамках существенной децентрализации, которая, безусловно, благотворна для расцвета экономики и культуры), эта Европа сможет оставаться политически относительно единой только при активном участии США.

Империя и «мягкая сила»

В современных условиях идеи «империи» и «мягкой силы» хорошо дополняют друг друга. Во-первых, империя перестает ассоциироваться исключительно с военно-силовой политикой и геополитической экспансией. Во-вторых, все большее значение приобретают альтернативные ресурсы влияния (экономическая и политическая привлекательность, способность сформировать и отстаивать ценностные идеалы, стать лидером некоего проекта, обладающего высокой объединяющей силой). Эти соображения актуализируют попытку обращения к концепции «мягкой силы», сформулированной американским политологом Дж. Наем-мл.³

«Мягкая сила» - способность страны воздействовать на других средствами, отличными от военного и экономического принуждения, которое является «жесткой силой». Компонентами «мягкой силы» являются:

- культура страны. Здесь речь идет о культуре не столько «высокой», сколько массовой, способной оказывать влияние на широкие слои населения и содержащей простые и доступные для усвоения «истины»;

- национальные идеалы и внутренняя политика. Предполагается, что способность добиться процветания собственного народа является чрезвычайно привлекательной для других, начинающих критически оценивать собственную внутреннюю ситуацию и воспринимать (возможно, и перенимать) политическую культуру и практику страны-образца;

- публичная внешняя политика. Этот компонент «мягкой силы» является наиболее гибким и подверженным контролю со стороны действующего политического руководства. Для того чтобы внешняя политика способствовала увеличению престижа государства, она должна соответствовать, как минимум, двум критериям: опора на общие ценности, разделяемые с другими государствами, что помогает использовать «мягкую силу» последних, в том числе и для реализации собственных целей; а также отказ от жесткого навязывания своего образа жизни, учет специфики других государств.

Возможность воплощения внешней политики в четкой политической программе значительно облегчает использование «мягкой силы» для обеспечения добровольного характера подчинения. Причем, как указано выше, такая программа должна соответствовать как национальным идеалам, так и представлениям других стран. В качестве удачного примера Дж. Най-мл. приводит американскую программу времен Ф. Рузвельта «четыре свободы для Европы».

Несмотря на логичное противопоставление «жесткая сила» - «мягкая сила», эти два элемента могущества государства взаимосвязаны. Желание использовать преимущественно «жесткую» силу снижает «мягкое» могущество государства. Хорошим примером тому служит негативное отношение в Европе, да и во всем мире, к «одностороннему» курсу администрации Дж. Буша-мл. Подобное отношение США испытывали и в

³ Nye, J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – N.Y.: Basic Books, 1991. – 314 p.; Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – N.Y.: Public Affairs Group, 2004. – 397 p.

период вьетнамской войны, когда стиль американского политического руководства (сенатор У. Фулбрайт назвал его «высокомерием силы») также вызывал отрицательное отношение в международном сообществе. Преимущество в «жесткой силе», как правило, вызывает неприятие у других стран. Но оно может быть сглажено эффективным использованием потенциала «мягкой силы». Более того, применение «мягкой силы» является особенно актуальным тогда, когда очевидна невозможность достичь своих целей с помощью «жесткой силы».

Сегодня в США разрабатывается концепция «умной силы» (smart power), понимаемой как способность комбинировать «жесткую» и «мягкую» силу с целью проведения эффективной политики. Эта идея возникла после того, как односторонняя военная политика США в 2000-х гг. столкнулась с жесткой критикой как внутри страны, так и за рубежом.

Актуальность концепции «мягкой силы» для России

Наиболее логичной сферой применения российской «мягкой силы» является «ближнее зарубежье». Основаниями для этого являются: общая история и многовековой опыт межкультурной коммуникации, схожие политические условия, военное и экономическое доминирование России, позволяющее ей сопротивляться (более или менее успешно) попыткам Запада поставить государства региона под свой контроль.

Сегодня в России зреет понимание того, что использование «мягкой силы» на постсоветском пространстве является уже не просто желательным, но необходимым. Внешнеполитический курс, ориентированный исключительно на «жесткую» составляющую, не является достаточно эффективным. Стремление настаивать на «жестких» механизмах взаимодействия с ближайшим окружением вызывает противодействие как со стороны стран бывшего СССР, так и со стороны США и Европы. Россия зачастую воспринимается как угроза странам-соседям, которые чувствуют себя объектами российской экспансии. Такое видение активно поддерживается Западом, который видит все более авторитарную Россию, склонную мыслить категориями политического реализма и геополитики.

Использование потенциала «мягкой силы» способно помочь России избавиться от жесткой привязки политики в странах «ближнего зарубежья» к отношениям руководства России с их лидерами. РФ, вероятно, получит возможность действовать на различных уровнях, проводить разноплановую и комплексную политику, имеющую все шансы быть более эффективной, что будет объективно способствовать реализации российских интересов в регионе. Напротив, неприменение потенциала «мягкой силы», как показывает практика, провоцирует ее эрозию. Страны «ближнего зарубежья» все в большей степени обращают внимание на Запад. Продолжение подобной политики способно только оттолкнуть бывшие советские республики от России, многие из которых фактически с начала 1990-х гг. обнаружили

тенденцию к поиску собственных идентичностей на антироссийской основе⁴. Наконец, обращение к «мягкой силе» должно задействовать недостаточно использованный потенциал российского гражданского общества. Оно способно к участию как в разработке самой концепции российской «мягкой силы», так и в практике ее применения.

Россия имеет определенные возможности для использования потенциала «мягкой силы» в странах «ближнего зарубежья».

Культура. Россия традиционно стремится воспринимать и позиционировать себя на международной арене в качестве страны высокой культуры. Для этого есть определенные основания. Достижения России в области литературы, музыки, кинематографа, науки имеют место, хотя в целом она не выдерживает конкуренции по этому параметру с Западом. Тем не менее, курс на развитие научно-технического и инновационного потенциала России можно признать правильным и способным со временем стать центром притяжения культурной элиты постсоветского пространства.

Однако, во-первых, восприятие России как страны высокой культуры на постсоветском пространстве распределено неравномерно. Особенно оно характерно для стран Центральной Азии, но не встречает понимания в странах Балтии⁵. Во-вторых, в 2000-х гг. наблюдается повсеместное падение интереса к русскому языку в странах СНГ и даже его вытеснение в относительно дружественных государствах⁶. В-третьих, на уровне массовой культуры России практически нечего предложить: у неё нет аналога американского «Голливуда», который бы успешно транслировал российские ценности на страны «ближнего зарубежья».

Национальные идеалы и внутренняя политика. На официальном уровне Россия декларирует намерение создавать демократическое государство с инновационной экономикой, эффективно решающее социальные проблемы. Однако эти идеи, во-первых, не могут быть названы российскими, во-вторых, недостаточно воплощены в жизнь, чтобы стать привлекательными за рубежом. Можно говорить лишь о том, что общества России и других стран СНГ воспринимают политические устройства своих государств как более «сходные», «близкие» и, следовательно, в значительной степени отличные от западных образцов.

Внешняя политика. Россия стремится быть влиятельным игроком современного мира, выступать гарантом безопасности для стран СНГ, центром их интеграции. На востоке постсоветского пространства это находит поддержку. Но по мере географического приближения к Европе страны бывшего СССР все в большей степени сопротивляются подобной роли

⁴ Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы». – Полис. – 2008 - № 2. – С. 122.; Беспалов С.В. Образ России в странах ближнего зарубежья как фактор конкурентоспособности российской политики на постсоветском пространстве // <http://www.mgimo.ru/files/34169/34169.pdf>

⁵ Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы». – Полис. – 2008 - № 2. – С. 126.

⁶ Поликанов Д.В. Политика России в отношении СНГ и общественное мнение // Мониторинг общественного мнения. – 2004. - № 3 (71). – июль-сентябрь. – С. 16.

России. Россию все в меньшей степени стремятся воспринимать как государство, оказывающее большое влияние на международные отношения. Численность населения постсоветского пространства, разделяющего эту точку зрения, снижалась с 1991 г. по настоящее время⁷.

На наш взгляд, важнейшим препятствием для эффективного использования российской «мягкой силы» является отсутствие целостного видения современного мира (или, по крайней мере, региона), которое бы отражало идеалы, присущие российскому обществу, и одновременно привлекательные для стран «ближнего зарубежья». Одной из причин тому является традиционная для России трудность положительной самоидентификации и, следовательно, позиционирования себя в мире. «Загадочная русская душа», «Россия – загадка, обернутая в тайну» (У. Черчилль), «невыразимая уникальность» России – подобные определения автоматически сопротивляются какому-либо внятному содержательному наполнению. Следовательно, они, как минимум, предполагают сведение отечественной «мягкой силы» к нулю, как максимум, – произвольную (и зачастую, неблагоприятную для России) интерпретацию со стороны противников (как на Западе, так и на постсоветском пространстве). Сегодняшнее российское руководство склонно воспринимать свою страну как крепость, окруженную врагами, стремящимися к захвату и разделу ее территорий и ресурсов.

Попытки философского обоснования роли России в современном мире, определения некой «миссии России» пока не выглядят убедительными. «Русская идея» выглядит бессодержательной, восприятие России в качестве «моста между Западом и Востоком» – бесперспективной с точки зрения объединяющего потенциала. Попытка определить Россию в качестве одного из центров и гарантов культурного, религиозного, этнического многообразия пока вряд ли может быть признана успешной.

Более того, сама концепция «мягкой силы» воспринимается в России критически. Подразумевается, что это попросту маскировка механизмов укрепления американского (в некотором и весьма ограниченном смысле и европейского) влияния, стремление обмануть Россию, использовать для достижения своих целей. Логично, что в нашей политической публицистике доминирует критика идеи «мягкой силы», а не обсуждение возможности ее применения на пользу России⁸. «Мягкая сила» понимается как синоним политтехнологий, призванных реализовать какую-либо политическую программу безотносительно к ценностному содержанию и цели, технология переворота, подрыва легитимной власти. Естественно, такая негативная трактовка снижает возможности для понимания «мягкой силы» как серьезного ресурса собственного государства. С одной стороны, «мягкая

⁷ Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы». – Полис. – 2008 - № 2. – С. 130.

⁸ Павловский, Г. Soft power – это по-русски? // <http://russ.ru/pole/Soft-Power-eto-po-russki>; Б. Межуев понимает под «мягкой силой» закрепление в мире единственной системы ценностей, что можно воспринимать как своеобразную логику «конца истории»: Межуев, Б. Soft power Обамы // http://russia.ru/video/expert_5146/.

сила» воспринимается как «недостойное» (манипулятивное) средство реализации собственных интересов. С другой стороны, становятся невостребованными (за ненадобностью) поиски нормативного объединяющего идеала, способного сформировать ядро «мягкого» потенциала.

Тем не менее, на уровне официальных деклараций российская политика всё же предполагает довольно интенсивное использование «мягкой силы». Например, Концепция внешней политики РФ от 2008 г. говорит об активности по всем направлениям укрепления «мягкого» потенциала. В частности, России позиционируется в качестве «одного из влиятельных центров современного мира», «демократическое государство с социально ориентированной рыночной экономикой и независимой внешней политикой», поддерживающее «культурно-цивилизационное разнообразие современного мира». Определяются направления развития России, способные обеспечить ей достойное место в мире (укрепление государственности, развитие экономики, решение социальных проблем, улучшение демографической ситуации, развитие институтов гражданского общества). Подчеркивается решимость использовать все средства для укрепления российского влияния за рубежом, что можно интерпретировать как готовность использовать потенциал «мягкой силы». Отдельный пункт (ч. III, п. 6) посвящен информационному сопровождению внешнеполитической деятельности, целью которого является «доведение до широких кругов мировой общественности полной и точной информации о ее позициях по основным международным проблемам, о внешнеполитических инициативах и действиях Российской Федерации, о процессах и планах ее внутреннего социально-экономического развития, о достижениях российской культуры и науки»⁹.

Вероятно, дальнейшие усилия по эффективному использованию «мягкой силы» должны сосредоточиться на двух взаимосвязанных направлениях:

- 1) активизация теоретических разработок по проблемам «миссии» России, ее роли в современном мире;
- 2) параллельная технологическая реализация существующего потенциала «мягкой силы» во избежание его дальнейшего снижения. На этом направлении можно эксплуатировать еще не изжитые ощущения общей исторической судьбы государств бывшего СССР и Российской империи.

Несомненным компонентом «мягкой силы» является грамотно выстроенная внешняя языковая политика, предполагающая завоевание, сохранение и усиление влияния определенного (государственного/официального/титульного, но «своего») языка на сопредельные (и иные) территории. Когда в XVII веке создавалась

⁹ Концепция внешней политики РФ. 12 июля 2008 г. // <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272bafa34209743256c630042d1aa/d48737161a0bc944c32574870048d8f7?OpenDocument>

Британская империя, одним из основных инструментов политики государственного строительства являлись англоязычные газеты. Ярким примером подобного влияния в новейшей истории является политика Великобритании после Второй мировой войны. На данный момент, и это мнение многих ученых¹⁰, существует только один претендент на роль языка глобального общения – Global English. Как отмечает Д. Кристал, возникновение данного феномена было обусловлено целым рядом историко-географических и социокультурных причин, причем решающее значение имело политическое и военное могущество нации (вернее, государства) носителей английского языка (сперва Великобритании, а затем – США)¹¹. Успеху Global English в реальном общении способствуют три основных фактора: необычайно высокое число носителей английского языка¹², его товарный имидж¹³, а также латинская графика, облегчающая продвижение на «языковом рынке».

На наш взгляд, имперскость в обязательном порядке предполагает мощное языковое влияние, поскольку, являясь универсальным средством коммуникации (в любой сфере человеческой деятельности и для любого уровня сложности), язык способен быть объединяющим и упорядочивающим, цементирующим и “центрирующим” составом, обеспечивающим империи единое коммуникативное пространство. Общеизвестно, что русский язык в советское время являлся “lingua franca” на территории всего Советского Союза и служил средством межреспубликанского общения. После распада Советского Союза почти 25 миллионов русских оказались за пределами РФ. Не вдаваясь в подробности, тем не менее, отметим, что русские составляют 40% населения Казахстана, 30% населения Латвии, 25% населения Украины. Несмотря на это, на территории бывшего СССР русский язык обладает статусом государственного языка только в Белоруссии (Референдум 1995 г.) и статусом официального языка в Казахстане (Конституция 1995 г.) и Киргизии (Конституция 2003 г.). В двух азиатских республиках (Таджикистан и Туркмения) русский признан языком межнационального общения (Конституции 1990 г.), а на Украине русский защищен статусом языка национального меньшинства (Европейская Хартия языков 2003 г.)¹⁴. В остальных республиках бывшего Советского Союза русский язык не

¹⁰ См.: Bailey R.W., Gollach M. (eds.) 1984. English as a World language. Cambridge; Brutt-Griffler J. 2002. World English: A Study of its Development. Cleveland et al. ; Crystal D. 1997. English as a Global Language. Cambridge, N.Y.; Phillipson R. 1992. Linguistic Imperialism. Oxford, Toronto.

¹¹ Crystal D. English as a Global Language. Cambridge, N.Y., 1997. p. 7.

¹² Английский язык выполняет функции официального или полуофициального языка на территории всех бывших британских колоний. *Доклады Британского совета отражают целенаправленную политику Великобритании по поддержанию и внедрению английского языка на территориях бывшей империи, начиная с 1945 года* [Phillipson R. 1992. Linguistic Imperialism. Oxford, Toronto, p 136].

¹³ Владение английским открывает широкие возможности для учебы, бизнеса, международной карьеры, путешествий. Таким образом, язык превращается в товар и благодаря своим ценным потребительским качествам довольно успешно продается

¹⁴ Данные взяты с официального сайта Федерального Интернет-проекта «Русский язык».

<http://gramota.run/book/rulang/page1_0.html>.

обладает никаким официальным статусом. В XXI ситуация с русским языком на постсоветском пространстве практически не изменилась.

Следует констатировать, что в странах Центральной и Восточной Европы бывшего соцлагеря (Варшавского Договора) социолингвистическая ситуация также быстро меняется, подчиняясь общему процессу глобализации, но на данный момент все еще остается некоторая (пусть и довольно ослабленная) связь с русским языком и русской культурой. Кейт Ватсон утверждает, что в 1990-е годы транзитные страны Европы отказывались пользоваться русским, называя его “языком угнетения”, и предпочитали последнему английский как глобальный язык¹⁵. Налицо утрата столь необходимого России канала влияния, возродить который при столь высокой конкуренции со стороны глобального английского представляется практически нереальным.

Несомненно, русский язык обладает очень высоким потенциалом развития и способен не только удержать, но и усилить свои позиции среди других международных языков. Однако он, несомненно, должен быть защищен законодательно, большая работа должна быть проделана по поддержанию русского языка, особенно в условиях все усиливающегося влияния глобализации. И серьезными шагами в этом направлении должны стать взвешенные и продуманные государственные меры по продвижению русского языка на международной арене (в первую очередь на постсоветском пространстве), выполнение государственной программы развития русского языка, улучшение обучения русскому языку в России и за рубежом. Очевидно, России, если она позиционирует себя как лидер на мировой арене, необходимо уделять внимание развитию особой сферы внешней политики – продвижению русского языка как носителя русской культуры и российской идеологии.

Заключение: «Мягкая сила» в России

Согласно Дж. Най мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами. Жесткая сила не теряет ключевого значения в мире, где государства стремятся оградить свою независимость, а внегосударственные группы, такие, как террористические организации, готовы прибегать к насилию. Но мягкая сила обретает все большее значение для сужения круга новых сторонников терроризма, а также для решения вопросов, требующих многостороннего сотрудничества.

На одной из встреч с парламентариями С.Лавров в качестве средства для привлечения к сотрудничеству других стран с Россией назвал именно «мягкую силу», подразумевая под этим термином эффективное решение экономических и социальных проблем страны. «Сегодня военный фактор становится менее привлекательным, сегодня важнее – чем мы эффективнее

¹⁵ Watson, K. The Impact of Globalization of Educational Reform and Language Policy: Some Comparative Insights from Transitional Societies // < <http://eduweb.nie.edu.sg/ajie/Vol21/02/1/html>>.

будем развивать свою страну, тем более эффективно мы сможем опираться на все большее количество людей в мире»¹⁶.

В России политика «мягкой силы» получила свое распространение в 2005 году, когда в Москве осознали необходимость усиления своего влияния на постсоветском пространстве. С этого момента начинают развиваться программы, направленные на межрегиональное и культурное сотрудничество с зарубежными странами. Российские культурные и образовательные проекты остаются одним из немногих эффективных инструментов российского влияния на страны СНГ и подчёркивают положительную коннотацию понятия «империя». Игнорирование научной и творческой части интеллигенции Украины явилось одной из ключевых причин поражения пророссийских сил на выборах 2004 года. Растущая популярность русских школ в Казахстане среди казахских семей среднего класса и успех Русских славянских университетов в Ереване и Баку свидетельствует о большом потенциале качественных образовательных программ как инструментов российского влияния. Однако многие политики СНГ усматривают в этом попытку замаскировать истинные стремления – помощь в проведении избирательных компаний.

Для усиления влияния инструмента «мягкой силы» необходимо принимать во внимание ряд важных условий.

- Ориентироваться на долгосрочное планирование. Важно создать инфраструктуру российского гуманитарного влияния на длительную перспективу. Акцент следует сделать не на краткосрочные PR-проекты для влияния на ход избирательной компании, например, на Украине, в Армении, Азербайджане, а на укрепление политических позиций сотрудничества с Россией, развитие общего гуманитарного и культурного пространства. Данный подход позволит оказывать поддержку всему кругу политических сил.
- Рассматривать гуманитарное сотрудничество более широко и через призму защиту прав человека. Это в свою очередь позволит усилить мягкое гуманитарное влияние и развивать новую политику в русле защиты прав человека. Важно объединить различные направления сотрудничества, например, экономическую и культурную политику. Скажем в ходе подписания газового контракта с Казахстаном можно часть денежных средств направить на развитие среднего и высшего образования на русском языке.
- Активно поддерживать граждан России за рубежом. С.Лавров на Всемирной конференции соотечественников в Москве озвучил ряд мер, которые направлены на поддержку соотечественников за рубежом. Среди них можно назвать: упрощение процедуры получения российского гражданства для соотечественников, проекты по поддержке русского языка и культуры. Однако ещё предстоит

¹⁶ Сергей Лавров не считает Россию «некачественным» проектом Запада // Агентство национальных новостей. – 21.03.2007.

рассмотреть ряд вопросов: пересмотреть Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Данный закон был принят в 1999 году и не отражает масштабные изменения, которые произошли за последнее десятилетие. Другим важным вопросом остается защита прав граждан России за рубежом. Ярким примером может служить дело российского военного пенсионера В.Н. Кононова, который обратился в Европейский суд с жалобой на власти Латвии, которые предприняли в отношении него откровенно дискриминационные действия.

- Создавать устойчивые государственные и негосударственные площадки российского гуманитарного влияния. Одним из вариантов являются российские культурные центры, которые открыты даже не во всех странах СНГ. Для работы с интеллектуальными элитами необходимо создавать научные площадки в виде местных отделений российских фондов и центров изучения постсоветских государств. Например, в Киеве была создана Украинская академия русистики, чего, к сожалению, нет в России.
- Проводить целенаправленную политику фандрайзинга. Гуманитарные проекты требуют значительных финансовых ресурсов. Поэтому нужно быть готовыми финансировать создание частных русских школ и частных университетов или, например, субсидировать включение российских телеканалов в пакеты местных операторов кабельного и спутникового телевидения, что актуально, например, для Украины, Узбекистана, Туркменистана. Создание специального неправительственного фонда, который занимался бы этими проектами, позволит во много расширить влияние «мягкой силы России».